

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
<i>Глава 1.</i> Сущностно-онтологический образ человека	5
<i>Глава 2.</i> Актуальные философско-антропологические дискурсы	23
§ 1. Метафизические философско-антропологические концепции	23
§ 2. Ментальность / тело; субъект; субъективность, «я», самосознание	41
<i>Глава 3.</i> Социальная агентность и социальная онтология	70
Список литературы	90

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа посвящена анализу актуального состояния философской антропологии, в том числе актуального состояния ее отношений с философской метафизикой, предстающей здесь только как онтология. Метафизика и философская антропология существуют в тесном взаимодействии с самого начала европейской философской традиции. Характер такого взаимодействия, отношения между метафизикой и философской антропологией претерпевали исторические изменения, иногда значительные.

В связи с этим существует теоретическая потребность исследовать своеобразие таких отношений в нынешних историко-философских и социально-исторических условиях. Тем более что в литературе подобная задача практически не ставится эксплицитным и развернутым образом. Данная работа представляет собой попытку в какой-то мере восполнить такой пробел.

Данная публикация образует часть большого исследовательского проекта по изучению состояния зарубежной философии в конце XX – начале XXI в., который осуществляется автором в ИНИОН РАН на протяжении полутора десятка лет.

В рамках этого проекта объектом рассмотрения становились, в частности, философская метафизика и онтология, философская антропология, а также социальная философия. В данной работе они предстают в определенном проблемно-тематическом единстве.

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам ИНИОН РАН за содействие в реализации указанного исследовательского проекта.

Глава 1

СУЩНОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА

Философско-антропологические усилия реализуются в современной философии в весьма широком наборе форм. Современную философскую антропологию следует рассматривать как функционирование совокупности определенных дискурсов, в рамках которых соотносятся различные парадигмы и традиции исследования философско-антропологической проблематики¹.

В данной работе философская антропология рассматривается только через призму ее отношений с метафизикой. Метафизика, в свою очередь, предстает только как онтология. Философско-антропологические и онтологические теории, становящиеся объектом анализа, относятся только к нескольким последним десятилетиям. При этом исследуются только наиболее заметные актуальные философско-антропологические дискурсы в их отношениях с философско-онтологической проблематикой. Таков ограничительный тематический контур работы.

При рассмотрении отношений между философской антропологией и метафизикой целесообразно провести определенные различия между онтологией и метафизикой. Сразу же следует подчеркнуть, что речь не идет только о формально-эпистемологическом различении, это различие *cum fundamentum in re*.

Из основных задач метафизики – онтологической, спекулятивной, смысло-теоретической, философско-теологической и др. – наиболее признаваемой, в том числе и критиками метафизики, является ориентация на разработку онтологической проблематики.

Философская онтология последних десятилетий представляет собой разнообразное и многосоставное явление – многообразные объектные исследования, многообразные метатеоретические разработки, интенсивная многоплановая историко-философская работа по изучению метафизической традиции, соответственно, ее онтологического компонента. Таково содержание того, что можно назвать философско-онтологической сферой настоящего времени.

---

¹ Термин «философская антропология» не имеет широкого хождения за пределами немецкой философии. Тем не менее его использование применительно к широкому спектру философских теорий.

Примечательной чертой актуальной онтологии является отсутствие крупных системных построений. Вместе с тем отсутствие таких построений совсем не означает исчезновение, прекращение действия фундаментальной принципиальной интенции онтологического мышления, которую можно представить как стремление к осмыслению и решению «проблемы бытия». В актуальных условиях эта интенция реализуется преимущественно как стремление к тому, чтобы определить «перечень» того, что существует, приобрести какое-то общее «предельное» понимание реальности, ее базисных элементов, структур и уровней.

В отношениях между метафизикой и онтологией в XX в., особенно во второй половине этого столетия и в начале XXI столетия можно определить два базисных варианта. К первому относятся различные формы понимания онтологии как части метафизики. В этом случае метафизика признается или как традиция в целом, или как определенные эпохальные гештальты, или в каких-то философско-теоретических функциях, и такое признание находит отражение в понимании онтологии.

Ко второму правомерно отнести отождествление онтологии и метафизики. В XX в. отождествление метафизики и онтологии становится все более частым делом. При таком подходе другие разделы метафизики, в частности метафизическая философская теология, отодвигаются на задний план, даже если признается правомерность такого вида метафизического рассуждения.

Подобное отождествление означает либо признание только онтологии из всего комплекса метафизической проблематики, либо просто стремление избежать эксплицитного или имплицитного соотнесения с прошлым метафизики, а также избежать неоднозначности положения метафизики в философии последнего столетия. Использование термина «онтология» как более нейтрального, менее многозначного призвано решить такую задачу.

Вместе с тем существуют и обосновываются причины взаимодополняющего и даже оппозиционного использования терминов «метафизика» и «онтология». В современной философской литературе заметное место занимают усилия, направленные на демаркацию какого-либо рода метафизики и онтологии. Проблема демаркации обсуждается применительно к столь различным образованиям, как аналитическая философия и философия Э. Левинаса.

Исследовательский проект, представленный в данной работе, ориентирован на рассмотрение отношений между философской антропологией и философской онтологией как частью метафизики.

Подобная ориентация означает только то, что другие задачи метафизики, соответственно другие аспекты отношений между философской антропологией и метафизикой остаются вне сферы аналитического интереса.

Метафизическая перспектива всегда включает онтологическую – опирается на нее, исходит из нее, как минимум предполагает ее. В порядке иллюстрации можно отметить, что сущностный онтологический образ человека в традиционной метафизике выступает как важнейшее условие осуществления целого ряда базисных функций традиционной метафизики – теоретического оформления и обоснования ценностей, нормирования социального поведения и действия, регуляции культурного продуцирования и др.

Главный тезис данной работы состоит в том, что сущностно-онтологический образ *фактически* представляет собой принципиальное фундаментальное устремление философской антропологии, а также может и должен служить и базисной регулятивной идеей философско-антропологического теоретизирования.

В связи с этим первоочередная задача видится в аналитической экспликации того, что это такое «сущностно-онтологический образ человека», «сущностная определенность человека». Предлагаемая концепция такого образа представляет собой попытку решения подобной задачи.

Укажем некоторые основные характеристики и функции предлагаемой концепции. Прежде всего, она представляет собой системно-историческую реконструкцию. Ее результат зафиксирован в указанном выше главном тезисе данной работы. Такая реконструкция выполняет функцию предельно общей *диагностической характеристики* философской антропологии. Эта характеристика призвана также показать, что философская антропология фактически решает и определенные *философско-онтологические* задачи, нередко представая и как разновидность или форма философской онтологии.

Здесь следует четко подчеркнуть, что интенция разработки сущностно-онтологического образа человека далеко не всегда тематизируется и тем более становится объектом осознанного самопонимания.

То, что демонстрируется в качестве общей аналитической характеристики философской антропологии, на деле представляет собой и характеристику *исследовательской программы* философской антропологии. Такая исследовательская программа может быть эксплицирована *как таковая*. Как и в случае с диагностической

характеристикой, исследовательская программа должна восприниматься как *открытая программа*, подлежащая расширению и ревизии за счет учета новых форм и содержаний философско-антропологической мысли.

Сущностно-онтологический образ способен служить ориентиром в анализе многообразных актуальных философско-антропологических теорий. Для этого концепция, в которой дается диагностическая характеристика современной философской антропологии, а сущностно-онтологический образ представляется как реализованная и потенциальная исследовательская программа, должна предстать и как определенная *критериологическая теория*. Иными словами, она должна указать критерии аналитической оценки рассматриваемых отдельных концепций или того или иного курса, к которому их можно отнести, в целом.

Итак, концепция сущностно-онтологического образа человека способна выполнять функцию диагностики базисного устремления и фундаментального целеполагания философско-антропологической теории; функцию исследовательской программы для такой теории; функцию критериологической схемы для оценки конкретных философско-антропологических концепций.

Перейдем к развернутому рассмотрению сущностно-онтологического образа человека. Речь идет о концептуализации образа человека как бытийной многомерной структуры, определяющей форму существования и способ функционирования человека, его «положение в бытии», «положение в космосе». Такая концептуализация проистекает из стремления к предельно общей характеристике человека в его «отношении к бытию». Сущностная структура как функциональное целое определяет отношения человека с миром.

«Сущность человека» понимается как некая *фундаментальная бытийная сущностная структура*, образуемая базисными элементами – физическими, биофизическими, психическими, интеллектуально-духовными – и их отношениями.

Сочетание указанных элементов служит основой для построения онтологического «образа», «онтологической матрицы», «идеального генезиса человека». Они выступают как «элементы» этих построений, вообще как компоненты «аналитики бытия человека».

Здесь целесообразно дать позитивный ответ на вопрос, а можно ли говорить о связи философской антропологии и онтолого-метафизической проблематики на натуралистской, физикалистской и материалистической основе. Сама постановка подобного

вопроса обусловлена стереотипом, в соответствии с которым метафизика может быть только идеалистической, спиритуалистской, теологической и т.п. А ведь большинство современных концепций, так или иначе решающих философско-антропологические задачи, делают это на основе рамочных условий и предпосылок, которые следует квалифицировать как натуралистские, физикалистские и материалистические. Примером может служить преобладающее большинство подходов в современной аналитической философии сознания, в рамках которой, как мы увидим, реализуются главным образом философско-антропологические устремления аналитической традиции. Тем более что многие философы-аналитики, работающие в этой сфере, работают и в сфере аналитической онтологии и метафизики.

Натуралисты, физикалисты, материалисты разделяют представление о том, что человек есть определенное сочетание, своеобразный конгломерат тех составных компонентов, элементов и энергий, которые наличествуют в неорганической и органической природе. Соответственно, закономерности, обуславливающие природу и функционирование этих элементов и энергий, властвуют и в отношении человека.

Будем исходить из простого понимания *сущности* как структурированной совокупности *сущностных* свойств и компетенций, т.е. таких свойств и компетенций, которыми нечто, например вещь, должно обладать для того, чтобы существовать. Без этих свойств и компетенций нечто просто не существовало бы. Говоря современным философским языком, это свойства, которыми нечто будет обладать во всяком возможном мире. Сущностные свойства противопостоят *акцидентальным* свойствам, т.е. свойствам, без которых нечто могло бы существовать.

Сущностные свойства и компетенции, как они понимаются здесь, – это набор или класс сущностей, которые служат фундаментальным условием возможности человеческой формы бытия. Без этих свойств были бы невозможны факт и практика жизни человека.

Целый ряд таких свойств действуют всегда как необходимые условия природно-физического и природно-биологического порядка. Вместе с тем интенсивное и многообразное научное и философское изучение таких свойств по существу оставляет открытым вопрос о характере проявления этих свойств в сознании, открытым по меньшей мере в смысле наличия общепризнанных научных и философских теорий на этот счет, универсально прием-

лемых религиозных и мистических интуиций. Философско-антропологическая теория стремится и должна стремиться к прояснению этого фундаментального обстоятельства.

Другой набор сущностных свойств связан с сознательной жизнью человека – сознательным характером его взаимодействия со средой, созданием социальной формы существования, культурным творчеством. Сознательная жизнь человека предполагает самоотнесение и стремление к распоряжению самим собой. Речь идет, говоря метафизическим языком, об «ориентации в бытии».

Именно вторая группа сущностных свойств формирует преимущественный интерес современной философской антропологии. Об этом свидетельствуют и те актуальные философско-антропологические дискурсы, которые выбраны в качестве объекта анализа в данной работе.

Сущность человека, понимаемая как структурированная совокупность сущностных свойств и компетенций, не есть некая изначально сформированная и фиксированная структура неизменных свойств. Об этом свидетельствуют научно-эволюционная перспектива, реальная и теоретическая картина исторической жизни человечества. По меньшей мере, представление о неизменной сущности, пусть даже и реализуемой во времени, выглядит как *догматическое полагание*.

Перечень фундаментальных неотъемлемых, т.е. сущностных свойств онтологической идентичности человека является пусть и ограниченным, но в *принципе открытым*. Это означает возможность обнаружения таких свойств научными и / или философскими средствами.

В рамках философско-антропологического исследования не обязательно, чтобы все известные или предполагаемые сущностные свойства включались в подобное исследование в качестве объектов. Ярким примером в этом плане может служить *язык*. Очевидно, что человеческое бытие невозможно без языка и вне языка. Тем не менее, даже при философско-антропологическом рассуждении, носящем очевидный сущностно-онтологический характер, язык редко становится первостепенным объектом рассмотрения. Гораздо чаще философско-антропологические моменты сопровождают исследовательскую работу в сфере лингвистики и философии языка, где и реализуется главным образом «парадигма языка».

Сказанное о языке относится и к таким бесспорным фундаментальным сущностным компетенциям человека, как мышление,

познание и некоторые другие. Существование человека немислимо без таких компетенций. Мышление и познание интенсивно исследуются в целом ряде наук, а также в философской эпистемологии. В таком исследовании не могут не присутствовать и философско-антропологические подходы. Вместе с тем они остаются философско-антропологическими аспектами научных и философских исследований, ориентированных в первую очередь на решение других задач.

Переход в сферу собственно философско-антропологической теории означает смену исследовательской перспективы. Прежде всего, это выражается в потребности включить рассмотрение тех или иных компетенций, особенно важнейших, в сущностную структуру антропологической целостности.

Сущностная онтологическая структура, как показывает опыт, предстает открытой не только в плане перечня сущностных свойств и способностей, но и в плане *содержания* таких свойств. Это содержание коррелируется с динамикой философского и научного исследовательского процесса, который может не только вносить изменения в концептуализацию свойств, но в принципе может вести к элиминации некоторых из них из перечня сущностных.

Однако, следует подчеркнуть, элиминация как лишение каких-то свойств статуса сущностных не ведет к отказу от идеи сущностно-онтологического образа. Это значит только, что меняется видение этого образа. Поэтому, к примеру, «физикалистский» или «материалистический» «редукционизм» означает только определенную концептуализацию, определенное понимание сущностно-онтологического образа человека. Имеет смысл помнить, что в соответствии с утверждаемой здесь концепцией сущностно-онтологического образа он присутствует во всякой философско-антропологической теории – в спектре от осознанно реализуемого ориентира до нетематизированного горизонта.

Итак, «сущностная идентичность», «сущностная структура», «сущностный образ человека» – это теоретически представляемая или искомая бытийная онтологическая структура со своими неотъемлемыми компонентами и отношениями.

Философская антропология оказывается соотносенной с устремлением к сущностному образу и в том плане, что желает решить задачу концептуально представить человека в его единстве – как целостное образование – как существо и природно-биологическое, и социальное. «Сущность человека» понимается и